

АНАТОЛИЙ ТЕРЕШОНОК

РЕЗОНАНС
7.83

18+

Анатолий Терешонок

Резонанс 7.83

«Автор»

2026

Терешонок А.

Резонанс 7.83 / А. Терешонок — «Автор», 2026

После мощной солнечной бури два человека — врач и спасатель — обнаруживают, что их жизни больше не принадлежат им. Учёные жаждут исследований, общество боится неизвестного, а они сами пытаются справиться с новыми способностями. В этой истории о науке, чувствах и человечности каждый найдёт свой ответ на вопрос: что значит быть человеком в меняющемся мире?

© Терешонок А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Буря»	5
Глава 2 «Спасатель»	12
Глава 3. «Академгородок»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анатолий Терешонок

Резонанс 7.83

Глава 1. «Буря»

Сирена разрывала ночь в клочья, а приборная панель «Скорой» пульсировала алым, словно сердце раненого города — в третий раз за час. Сияние плясало над домами, неестественно яркое. Оно не освещало — оно словно наблюдало. Город будто провалился в иную реальность, где небо не небо, а живая ткань, дышащая пугающим светом. И каждый сполох — словно шёпот из неизвестного края.

Иван тихо ругался, объезжая машины, не реагирующие на сирену. Его добродушное лицо с мелкими морщинками отражало все эмоции.

— Опять помехи... — бурчал он, нажимая на кнопки рации. — Буря разгулялась не только на небе, но и в эфире.

Анна не ответила. Пальцы застыли над планшетом, легонько подрагивая, или это просто дрожал экран устройства из-за тряски? Она машинально откинула непослушную прядь каштановых волос, подстриженных в аккуратное каре, и бегло пробежала взглядом по строчкам сообщения: есть пострадавшие, адрес, время прибытия, направлен ещё один экипаж.

В глубине души нарастало непривычное, чужое ощущение — оно сжималось, пульсировало, не вписываясь в привычный внутренний мир. Спустя миг она поняла: это чужие эмоции, проникающие извне.

«Ещё один сбой», — промелькнуло в сознании. Как в день с массовым ДТП.

В тот раз ей не хватило всего нескольких секунд. Сейчас может не хватить не только мгновений, но и уверенности. Семь лет назад она потеряла пять человек не из-за ошибки, диагноз она поставила верно. Ей элементарно не хватило времени. С тех пор каждое сомнение ранило её всё больше.

— Анна Михайловна, мы подъезжаем, — вывел её из оцепенения Иван.

— Останови у обочины и выключи сирену. Тамара, ты готова? — обернулась Анна к фельдшеру и лучшей подруге по совместительству.

— Всегда! — улыбнулась она в ответ.

«Скорая» прибыла к месту вызова. Иван припарковался за машиной ДПС с работающими проблесковыми огнями. Им навстречу в мокрой от дождя фуражке и подсвечивая себе дорогу лучом фонарика, вышел молодой лейтенант. Фельдшер в глубине машины подхватила пластиковый медицинский чемодан, зашуршала, открыла боковую дверь и выбралась на улицу. Анна распахнула свою и выпрыгнула на мостовую. Ветер хлестнул её по лицу, обдал колючим песком и водяными брызгами, поднятыми с дороги.

— Здравствуйте. Ну что тут у вас? — уточнила она, направляясь к пострадавшим.

— Сорвало рекламный щит, и он обрушился на остановку, — доложил лейтенант, указывая на груды искореженного металла, лежащего неподалёку. — Ребёнок в тяжёлом состоянии.

Взгляд Анны метнулся к людям на тротуаре. На мокром асфальте женщина, изогнувшись, билась в беззвучных от рыдания конвульсиях, рядом лежала девочка лет пяти, не больше. Её светлые волосы слиплись от дождя и крови.

Картина повторилась — будто зеркало отразило прошлое. Несколько лет назад она уже стояла вот так, слыша те же вопросы про маму, и мир вокруг тогда тоже остановился. Анна застыла на месте, словно её пригвоздили к земле. Она не могла пошевелиться, все мышцы онемели, а пальцы, будто отлитые из металла, отказывались подчиняться. Время сжалось: семь

мучительных лет растаяли в одно мгновение, и она очутилась там — в том самом дне, где боль была свежей, а её надежда ещё теплилась.

Мир сузился до небольшого пятна крови на асфальте. Такой же ледяной дождь, как и сегодня, только осенний. Очень похожая девочка. Светлые волосы, мокрые от влаги. И улыбка сквозь шок и тот же вопрос: «Доктор, где мама?».

Анна хорошо помнила свои руки. Они тогда не дрожали. Она действовала механически, пока не стало слишком поздно. Пульс исчез. Зрачки расширились. И вместе с жизнью девочки внутри Анны что-то оборвалось, надломилось. Звук сирены утонул в глухой вате, голоса окружающих стали далёким гулом. Она стояла на месте, смотрела на перчатки, испачканные детской кровью, и не могла дышать.

— Аня! Савенко! — Голос прорвался сквозь шум в ушах резко, как удар по лицу, и все окружающие звуки вернулись разом.

Тамара. Тогда ещё новичок, с короткой, почти мальчишеской стрижкой и глазами, в которых читалась такая же боль и усталость, но ещё и решительность. Она не спрашивала «что случилось». Она действовала. Грубо, но бережно перехватила запястье, отвела от разбитой машины и тела пациентки.

— Всё. Стоп. Ты больше не врач — наша работа окончена. Слышишь меня?!

Анна пыталась что-то сказать, хотела объяснить, что нужно начинать компрессию, но губы не слушались, в гортани противно першило. Она не вытирала лицо, горячие, солёные слёзы смешивались с каплями дождя и стекали по подбородку. Тамара не дала ей договорить, остановила истерику. Развернула спиной к страшной картине, закрыла собой от посторонних взглядов.

— Дыши, — приказала Тамара. Ладонь легла на затылок Анны, крепко фиксируя, не давая развернуться или уйти в себя. — Вдох. Выдох. Я рядом. Я всё сделаю. Ты мне нужна живая, ясно? И нормальная.

В памяти всплыло продолжение того вечера. Маленькая комната, с кухонной мебелью вдоль одной из стен, служащая столовой дежурным экипажам. Пустая, не уютная, пахнущая стерильной чистотой и остывшим кофе. Тамара не читала нотаций. Она поставила перед Анной стакан, наполовину заполненный гадким, растворимым кофе, плеснула янтарной жидкости из невесть откуда взявшейся бутылки, потом спрятала её под стол.

— Выпей. Тебе сейчас это нужно.

Анна отлично запомнила, как Тамара оформила документы за неё. Как прикрывала перед заведующим, говорила, что врач почувствовал себя плохо из-за повышенного давления. Как потом, дома, сидела у неё на кухне до четырёх утра, болтая о ерунде, сериалах, погоде, не давала Анне уснуть и остаться наедине с тишиной, где ей мерещились голоса погибших и проступало лицо девочки с остекленевшими глазами.

А потом приезжала к ней после смены. Тащила на улицу, в кино, куда угодно. Они ходили по магазинам, просто гуляли по парку, разбрасывая осенние листья. И эти старания не прошли даром, постепенно Анна вернулась к жизни, опять почувствовала её вкус.

Именно Тамара сказала ей тогда ключевую фразу, и она впоследствии стала для неё сильным стимулом:

— Мы не боги, Ань. Просто те, кто держит фонарь, когда другие тыкаются во всё подряд, как слепые котятка. Случается, что свет гаснет. Но это не значит, что ты плохой врач. Это говорит о том, что ты обычный человек.

Воспоминание оборвалось так же резко, как и началось. Прошли считанные секунды, и сейчас, испытав дежавю, Анна почувствовала, как её сковал не страх, а дикий ужас: всё может повториться. То, от чего она пыталась убежать столько лет, вновь возвращалось.

И вдруг тёплая волна проникла в неё, растеклась по мышцам, легко коснулась сознания. Это были не мысли, а скорее ощущения. Они, не произнося ни слова, вселяли уверенность, подталкивали вперёд. Смелее спокойно, ты справишься. Ей казалось, что чьи-то нежные пальцы осторожно легли на позвоночник и легко, но настойчиво направляли её в нужную сторону.

Анна произвела внешний осмотр, чувствовала, что делает это не одна, а под чьим-то пристальным наблюдением. Подошла к ребёнку, присела. Руки сами остановились в сантиметре от кожи пациентки. Взгляд опустилсЯ ниже: спина девочки изогнута неестественно, в проекции грудного отдела — локальная припухлость...

Тамара метнулась к ней, ни о чём не спрашивая. Она видела, как побледнела подруга, этот стеклянный взгляд. Встречалась с этим однажды. Но сейчас Анна действовала.

— Тамара, у нас перелом и ЧМТ¹! — бросила она через плечо фельдшеру, опускаясь на колени и осторожно касаясь шеи. — Иммобилизация шейного отдела. Срочно!

Тамара кивнула, в глазах мелькнуло облегчение. Она поняла: прорвались. В этот раз Анна не ушла. Она справилась.

— Делаю, — коротко бросила фельдшер, достала фиксатор.

Их взгляды встретились на секунду. В этом немом обмене промелькнуло всё: и память о том дне, и немая поддержка «не бойся, я прикрою», и уверенность «ты справишься».

Тамара встала на одно колено, поставила чемоданчик рядом, установила прищепку пульсоксиметра на палец ребёнка. Анна слегка придерживала голову девочки и впервые за эти годы не колебалась ни капли. Решение пришло не из анализа ситуации или состояния пациента, оно пришло извне, хоть и оказалось не навязчиво, не агрессивно, но пугало её до дрожи.

— Сатурация² шестьдесят пять процентов, пульс сто двадцать, — доложила Тамара, сняв показания и убирая прибор обратно в чемодан.

Фельдшер приступила к фиксации головы девочки воротником, движения чёткие, тренированные за долгие годы. Они работали вместе больше восьми лет и, конечно, не могли не подружиться. Тамара оказалась доброй и отзывчивой женщиной, никогда не лезла за словом в карман и была весьма остра на язык.

Анна перепроверила пульс на сонной артерии, слабый, но ритмичный. Дыхание поверхностное, губы немного синеватые, значит, у ребёнка гипоксия.

— Давай кислород, — скомандовала она, не отвлекаясь от работы. — Проверь зрачки.

Фельдшер кивнула, поднесла к лицу девочки маску. Анна провела пальцами вдоль рёбер, обнаружила локальную болезненность слева, но без крепитации³. Переломов грудной клетки нет. Это хорошо, очень хорошо.

И в этот миг пришла новая волна, пытаясь заместить её собственные ощущения посторонними. Плавно и осторожно пришло чувство нехватки воздуха, боль разлилась по спине.

¹ ЧМТ в медицине — это черепно-мозговая травма, то есть повреждение костей черепа и/или структур внутри него: головного мозга, его оболочек, сосудов, черепных нервов.

² Сатурация (SpO₂) — это показатель насыщения крови кислородом, а точнее — процент гемоглобина, связанного с кислородом, в артериальной крови. Проще говоря, он показывает, насколько эффективно кислород переносится от лёгких к органам и тканям.

³ Крепитация (лат. *crepitus* — «треск, хруст») — это характерный звук или ощущение потрескивания, щёлканья или хруста, возникающее при движении или пальпации различных структур тела.

Анна прислушалась к собственному телу и постепенно начала понимать, что это не угроза ребёнку. Это... Скорее предупреждение, о том, что происходит не здесь... и не с ней.

— Тамара, — голос вышел тише, чем она хотела. — Какая больница ближе: городская или областная?

— До областной, минут пятнадцать.

— Едем в городскую, через Ленина.

Фельдшер удивлённо подняла бровь, посмотрела на неё, но спорить не стала. Анна сама не поняла, и вряд ли могла объяснить, почему назвала именно этот маршрут. Она знала: на Ленина сейчас свободно, а на привычном пути глухая пробка. Словно кто-то другой смотрел на карту города и транслировал ей это изображение напрямую, как на экран навигатора. Вот только ей это знание не приносило никакой радости, лишь беспокойство.

Они осторожно, соблюдая правила, уложили девочку на щит, зафиксировали ремнями. Мать, всё ещё плача, потянулась к руке ребёнка, и Анна позволила, кивнула Тамаре. Иногда контакт с близкими важнее неподвижности пациента. Остальными пострадавшими займутся экипажи других машин, они уже прибыли и приступили к осмотру.

В машине всё завертелось с бешеной скоростью, они исполняли стандартный ритуал врачей: включился монитор, ЭКГ⁴ нарисовала зелёную синусоиду, сто восемнадцать ударов. Давление низковато, всего восемьдесят на пятьдесят. Анна ввела допамин⁵, ориентируясь на рост и телосложение ребёнка. Руки совсем не дрожали, но в душе творилось чёрт знает что.

Скорая неслась по дороге, разгоняя машины и поднимая фонтаны брызг из попадавших луж. Город жил в своём ритме, люди погрязли в рутине забот и иногда отвлекались, провожали взглядом пролетающий мимо и пугающий сиреной белый автомобиль с красным крестом.

Девочка, наконец, открыла глаза, ещё немного замутнённые, но взгляд осознанный. Щёки округлились из-за поджимавшего их снизу жёсткого воротника, а лицо уже не такое бледное.

— Мама? — прошептала она.

— Рядом, — подхватила Анна её ладонь. — Держись за меня. Всё будет хорошо.

И сейчас она произнесла это не как стандартную, ритуальную фразу для пациента, а как свершившийся факт. Сидящая у изголовья Тамара широко улыбалась, придерживая капельницу, и свет отражался в её тёмных глазах, влажных от накативших эмоций. Не удержавшись, она заговорщицки подмигнула Анне.

Городская больница приняла их без проволочек, буря обеспечила приоритет для всех тяжёлых пострадавших. Каталка промчалась по светлым коридорам больницы, словно продолжение той гонки, которую только что Иван выиграл на улицах города. Врач-травматолог, мужчина в возрасте и с сединой на висках, увидев девочку, провёл первичный осмотр и сдержанно кивнул:

— Повезло. Компрессионный перелом, судя по всему. Возьмём анализы, сделаем КТ⁶, потом корсет недель на шесть, организм молодой, должен легко справиться.

— Хорошая работа, коллега, — произнёс он, уже разворачиваясь к каталке.

Но здесь вмешался другой врач, мужчина в зелёном халате, с бумагами в руках. Он внимательно смотрел в документы, которые передала Тамара.

⁴ ЭКГ (электрокардиография) — это неинвазивный диагностический метод исследования работы сердца, основанный на регистрации электрических потенциалов, возникающих в сердечной мышце во время её работы.

⁵ Препарат назначают в критических состояниях: кардиогенный, анафилактический, септический, геморрагический шок (после восполнения объёма крови).

⁶ Компьютерная томография (КТ) — это метод лучевой диагностики, позволяющий получить послойные изображения внутренних органов и тканей с помощью рентгеновского излучения и компьютерной обработки данных.

— Маршрут через Ленина? — с удивлением произнёс он. — Там же ремонт полотна, и расстояние больше. Стандартный протокол рекомендует проспект Мира. В связи с чем приняли решение отклониться?

Дыхание перехватило. Ногти впились в ладони, оставив на коже полумесяцы белых следов.

— Потому что на Мира пробка, — отрезала Анна. — А у ребёнка гипоксия. Каждая минута на счету.

— Не слышал сообщения от диспетчера о пробке на Мира. — парировал врач, не отрываясь от документов. — Вы действовали на основе... предположений?

Тамара шагнула вперёд, мягко коснулась локтя подруги.

— Коллега, Анна Михайловна приняла решение исходя из ситуации на месте. Пациент стабилен, это главное, ведь верно?

— Протокол придумали не случайно, — настаивал врач, наконец оторвавшись от чтения. — Застрянь вы на маршруте...

— Но мы проскочили, — повысила голос Анна. Голос стал холодным, таким, что она разговаривала сама с собой в долгие бессонные ночи. — Мы приехали на двенадцать минут быстрее норматива. Так что извините, если мои «предположения» помогли спасти пациента.

Она выхватила ручку из рук Тамары и резко подписала лист, почти порвав бумагу. Ей просто необходимо взять всё в свои руки. Контролировать ситуацию. Доказать, всем, что она права. Потому что, если она ошиблась сейчас, значит, она могла допустить ошибку и тогда... Семь лет назад.

— Аня, — тихо позвала Тамара, когда врач, недоумённо пожав плечами, отошёл к медсёстрам. — Ты слишком резко реагируешь. Врач только уточнял, перестраховывался, обычное дело.

— Это мешает мне работать, — буркнула Анна, делая вид, что читает документы. — Они все сидят в тёплых больницах, в уютных кабинетах, а мы всегда там, на дороге. Они не работают с людьми, не стоят в пробках. Не чувствуют времени.

— А я вижу, что ты снова пытаешься спасти весь мир в одиночку, — мягко, но твёрдо возразила Тамара. — И снова не жалеешь себя.

Анна молчала. Она понимала, что подруга, конечно, права. Но остановиться не могла. Контроль оставался единственной вещью, которая не давала ей рассыпаться, помогала чувствовать, что она управляет ситуацией, а не наоборот.

Анна выдохнула, положила ручку. Напряжение медленно отступало, и она не сдержала счастливой улыбки, глядя на удаляющуюся каталку. Тамара собирала инструменты обратно в сумку, смена продолжалась, и вызовов опять больше, чем работающих экипажей.

Когда они вышли из приёмного покоя, небо всё ещё пылало и переливалось зеленью. Сияние не угасало, продолжало удивлять своим присутствием. На стоянке их ждала «Скорая» с мигающими огнями на крыше. Иван курил возле машины, прислонился к капоту.

— Ну как там девчонка? — спросил он, выбрасывая сигарету.

— Жива. Будем надеяться, что без последствий.

Он кивнул и больше ничего не спросил. Молчание всегда ценилось выше слов, особенно в их работе. Анна села в машину, закрыла за собой дверь. И только сейчас, в тишине салона, позволила себе расслабиться. Руки затряслись мелкой, произвольной дрожью. Не от усталости или адреналина, а скорее от чёткого осознания того, что сегодня она приняла решение, которое пришло к ней извне.

В тот момент она не колебалась, не пыталась анализировать ситуацию, оказалась уверена, что трогать ребёнка нельзя. Почувствовала, что ехать нужно именно через Ленина. Это решение принимала не она, оно появилось... Извне и сегодня помогло спасти жизнь маленького

человека. Но это вовсе не помогало отрешиться от чувства страха за то, что оно может повториться.

За окном послышался гул сирены, машина МЧС с включёнными мигалками промчалась мимо них. Анна машинально проследила за яркими огнями в темноте и в этот миг к ней пришёл ещё один импульс. Лёгкий, как отзвук, разлилось приятное тепло по всему телу. Теперь пришёл не страх, не злость, возникло чувство, похожее на... Облегчение.

Анна потрясла головой, пытаясь избавиться от новых для неё ощущений. Они не вызывали отвращения или неприязни. Просто они принадлежали другому. Пытались воздействовать на её поведение и эмоции. Это пугало, странным образом отталкивало, казалось противоземным. Чем бы это ни оказалось, оно внедрялось в сознание и пыталось на неё влиять.

— Ты как? — уточнила Тамара, коснувшись плеча.

— Нормально, спасибо, — обернулась к ней Анна и улыбнулась, — лучше.

Они неспешно выехали с территории больницы, свернули на широкую улицу, направляясь в сторону станции скорой помощи. Машина замедлилась на светофоре, загорелся красный. Иван откинулся на сиденье, потянулся, поднял руки вверх, потёр уставшие глаза.

— Всё никак не привыкну к этому, — произнёс он и кивнул в сторону зелёного неба. — Сорок два года живу, а Северное сияние в наших краях вижу первый раз.

Анна оторвалась от планшета. Посмотрела на небо.

— Да, красиво, но не для нас. Для нас это только помехи в эфире и сбои в оборудовании. Слышала, что вспышка класса «М восемь», — ответила она. — Самая сильная за последние двадцать лет.

— А мне нравится. Почти как салют на Новый год! — подключилась к разговору Тамара из глубины салона.

— А мне всё равно напоминает что-то... — Иван помолчал, подбирая слова. — Как в детстве, когда с отцом на рыбалку ездили. На рассвете небо переливалось всеми цветами радуги. Только тогда я ещё не знал, что это значит и почему.

Анна улыбнулась, реагируя на его слова.

— Часто вспоминаешь отца?

— Редко. Но когда такое... — Он снова кивнул на небо, — волей-неволей, а воспоминания лезут в голову. Он у меня простым рабочим трудился, на заводе, но умный был мужик, работающий. Любил пофилософствовать вечерами, говорил мне: «Природа — она как бабушка: сначала предупредит и только потом накажет».

Светофор сменился на зелёный, Иван тронул машину с места, но теперь плавно, без спешки. Включил поворотник, закрутил руль поворачивая.

— А ты? — спросил он. — О чём вспоминаешь?

Анна неуверенно пожала плечами. Потом, решила, ответила:

— Первый курс медицинского. Мы тогда почти всей группой на крышу общаги залезли, хотели посмотреть на звёзды, а там такая красотища, ночной город, над ним Млечный путь, романтика. Тогда я ещё мечтала, что стану учёным, буду в Академгородке работать, исследования проводить.

— И что помешало?

— Жизнь. — Она усмехнулась. — Попала на практику в скорую и всё, прикипела. Хотя иногда думаю: как всё сложилось бы, выбери я науку?

— Да, жизнь та ещё сука! — в привычной ей манере прокомментировала Тамара.

— Скучала бы, — уверенно произнёс Иван, не отрываясь от дороги. — Ты не создана для кабинетов, ты другая.

Анна повернулась с удивлением. Он не отводил глаз от дороги, но, казалось, в этот момент видел её насквозь. Она и вправду чувствовала себя сегодня другой. Эти чужие эмоции внутри словно коснулись души напрямую и что-то там расшевелили.

— Откуда ты знаешь? — уточнила она, чтобы отвлечься от своих мыслей.

— Я двадцать лет за рулём скорой, — ответил Иван. — Много чего повидал, научился в людях разбираться. Есть те, кто, сидя в кабинете, думает, что спасает мир, а есть такие, как ты, реально его спасает, своими руками. Я разницу по глазам, по поведению, сразу вижу.

Мимо проплывали дома, пешеходы шли по делам. Город жил, не утруждая себя философией.

— А ты? — поинтересовалась Анна. — Почему водителем скорой стал? Мог выбрать что-то другое.

Иван усмехнулся, бросил быстрый взгляд на неё, и в глазах мелькнуло новое выражение, тёплое, искреннее.

— Жена заболела. Рак. Я в молодости на стройке работал, бригадиром. Хорошие деньги, но времени на семью, конечно, совсем не оставалось. А когда она заболела... — он помолчал, вспоминая, — я понял, что деньги — это полная ерунда. Главное — находиться рядом с тем, кто дорог.

— Она...?

— Жива, — Иван улыбнулся, но чуть более устало, чем обычно. — Оказалась операбельная форма, вовремя обнаружили и врачи вытащили. Сидит себе на даче, клубнику выращивает... Только препараты новые дорогие, половина зарплаты на них уходит. Так что я с вами катаюсь не зря. Лишние смены мне не мешают.

Внутри всё словно сжалось, мешая вдохнуть полной грудью. Она приложила руку к груди, чувствуя, как пульс отдаётся в висках.

— Ты хороший человек, Вань.

— Да не, просто поумнел. Поздновато, конечно, но всё же, — иронично отметил Иван. Анна взглянула на его круглое, доброе лицо, на седину у висков, на морщинки вокруг глаз, которые, наверняка появились вовсе не от смеха.

— Спасибо, — произнесла она тихо.

— За что?

— За этот разговор.

Иван улыбнулся. Просто, по-человечески.

— Всегда пожалуйста, Анна Михайловна. Всегда пожалуйста.

Она отвернулась, опустила солнцезащитный козырёк, посмотрелась в зеркальце. На неё смотрели светлые глаза не молодой, но симпатичной женщины. Анна не сдержала тяжёлого вздоха, машинально поправила макияж, отвела за ухо волосы. Пискнул планшет, сообщая о новом вызове. Она подхватила его с приборной панели, вчиталась в пришедшее сообщение.

— Иван, — позвала она. — У нас вызов.

Он молча кивнул, взвыла сирена, заглушив все окружающие звуки. А в голове у Анны остался только один вопрос, который теперь не давал покоя:

Кто ты?

Глава 2 «Спасатель»

Бетонная пыль висела в воздухе, и он чувствовал её везде, на губах, лице, возникало полное ощущение, что он и дышал ею. Сергей лежал неудобно, на боку, прижатый к холодному полу обрушившимся перекрытием. Первые три секунды он испытал шок, по касательной задело голову. Следом пришла боль, куда без неё?

Левая нога онемела ниже колена, тяжёлая балка придавила бедро, но, слава богу, не раздробила кость, в висках пульсировала кровь от адреналинового шока. Он попытался пошевелить пальцами, и это получилось сделать на обеих ногах, значит, спина не повреждена. Это знание пришло автоматически, как дыхание: двенадцать лет службы научили распознавать признаки паралича раньше, чем страх. Боль можно терпеть, сейчас главное — это шея и спина. Он осторожно попытался повернуть голову вправо...

Сверху из-под груды арматуры, опять посыпалась мелкая крошка. Послышался неприятный хруст. Мышцы на спине напряглись, кожа под толстой тканью формы мгновенно покрылась испариной. Он притих, прислушиваясь к неприятному звуку. Перекрытие держится на чём-то очень ненадёжном, на обломке несущей балки или вообще на его собственном дыхании.

Одно неосторожное движение, и тонны бетона лягут всей своей массой на позвоночник. Это может и не вызовет мгновенную смерть, но легко вызовет, например, паралич. Останешься лежать здесь один, слушая, как коллеги работают в другом месте, без возможности дать о себе знать.

«С Алексеем так и случилось», — пронеслось у него в голове, но он постарался сразу отогнать эту мысль. Не сейчас. Не здесь. Но память сегодня ему не подчинялась. Воспоминания всплыли сами, чёткие, как цветные фотографии в высоком разрешении.

Они познакомились на курсах повышения квалификации. Алексей высокий, стройный, с игравшей на лице добродушной улыбкой. Сергей, когда увидел его, подумал: «Не выдержит». Он казался слишком легкомысленным, очень открытым. В их работе частенько такое поведение убивало быстрее огня или обрушения. Но Алексей выдержал вопреки всему и не просто справился, а стал его лучшим напарником, таким, о котором Сергей не смел даже мечтать.

Первый год они спокойно работали вместе, помогали, страховали, общались по мере необходимости. Потом на одном из пожаров в частном секторе, Алексей вытащил ребёнка из горящего дома и упал на землю рядом с Сергеем, откашливаясь от дыма, которого успел наглотаться. Тогда, пожалуй, впервые все увидели его без привычной улыбки. Землистый цвет лица, красные, навывкате глаза, руки дрожат от адреналинового шока.

— Живой? — спросил Сергей, подавая ему руку.

— Вроде, — ответил Алексей. — Думал, не успею.

После того случая они начали общаться, о работе, понемногу о жизни. Алексей рассказывал про жену, о том, что с нетерпением ждёт рождения дочки, примерно через месяц. Сергей — про любимую рыбалку, про тайгу и как мог уехать с девушкой, но не смог.

Когда Лену, жену Алексея, положили в роддом на сохранение, за неделю до предполагаемой даты родов, Сергей делал всё, чтобы отвлечь, успокоить друга. Они вместе мечтали, как его дочка будет расти. Кем станет, куда пойдёт учиться. Вместе встречали жену из роддома с розовым свёртком на руках. И всё свободное время вне работы проводили вместе.

Так, незаметно, они начали дружить семьями. Ну как семьями. У Сергея с этим дела обстояли похуже, он не завёл и собаки, с которой нужно гулять, а он вечно занят на службе. Поэтому и общались с семьёй Алексея. Вместе отмечали дни рождения, ездили на шашлыки, за грибами и ягодами в тайгу, просто гуляли.

Лена несколько раз пыталась познакомить Сергея с подругами, но все эти попытки не увенчались успехом. Не потому, что Сергей оказался привередой или подруги, попадались

сплошь несимпатичными. Просто не складывались отношения, и всё. Лена смирилась, сказала, что она бессильна, если он сам не хочет. А Сергей понимал, что просто ещё не встретил ту, для которой готов на всё.

Так пролетели пять лет. Это большой срок в работе спасателя. Сотни вызовов, десятки сохранённых жизней, ночи, проведённые в казарме, когда не спалось, и иногда чай из одного стакана, потому что второй случайно разбили. Несколько раз они спасали друг друга от неминуемой гибели, вытаскивали из огня.

Их последний разговор состоялся за несколько минут до злополучного пожара. Они сидели в машине, ехали на очередной вызов. Дождь стучал по крыше, сирена разрывала тишину, их качало по сторонам на поворотах. Алексей с утра находился не в настроении.

— Серёг, — произнёс он неожиданно, смотря на текущие по стеклу капли. — Если что... За семьёй проследи, ладно?

Сергей фыркнул:

— Ты о чём? Мы сейчас приедем, сделаем работу и вернёмся. Всё как всегда, понял?

— Нет, Серёж. Сегодня... Не знаю, чувство совсем нехорошее.

Он посмотрел на него, Алексей выглядел бледным, на лице не было привычной улыбки, никаких бесшабашных разговоров и шуток. Он выглядел тихим, сникшим, слишком спокойным.

— Ладно, — успокоил друга Сергей. — Конечно, обещаю! Если что, пригляжу за твоими.

Алексей наконец улыбнулся в первый раз с самого утра.

— Спасибо тебе, братишка.

— И что ты, раскис сегодня, с чего вдруг?

Алексей не ответил, молча пожал плечами и отвернулся к окну. А на улице шёл дождь и мимо проносились дома, сливаясь в разноцветную мокрую полосу за стеклом.

На складе не хватало освещения, и лучи фонарей металась по полу, играя с невидимыми котятками. Дым стелился по полу, похожий на сизый туман. Жар ещё не чувствовался, но это дело нескольких минут, огонь явно разгорался и ему хватало, на чём и где разгуляться, склады оказались большими и набитыми под завязку всяким горючим хламом. Они вошли вместе — Сергей первым, Алексей за ним следом.

— Ферма над входом неустойчивая, — сказал Сергей, указывая рукой наверх. — Видишь трещину?

Алексей кивнул, проследил за жестом.

— Да. Нужно проверить до того, как обрушится.

— Подождём подкрепление. Минут через пять подтянутся.

— Это слишком долго, всё сгорит, а там могут быть люди.

— Лёха...

— Я быстренько, одна нога там, другая здесь.

Сергей схватил его за локоть, потом отпустил. Почему так поступил, до сих пор не понимал. Зачем отпустил? Не удержал? Почему не сказал: «Стой! Не пуцу одного!». Но вслух произнёс только:

— Будь осторожен.

Алексей кивнул, привычно улыбнулся и пошёл. Сергей смотрел, как он исчезает в сизых клубах дыма. Слышал шаги. Потом из помещения выскочил обалдевший, дезориентированный рабочий, Сергей поймал его, схватил за спечовку, сделал несколько шагов вместе с ним, указал путь к выходу, подтолкнул в нужном направлении.

За спиной послышался треск, грохот.

Ферма рухнула, не выдержала давления и температуры. Семь секунд — это так много, для некоторых они могут растянуться в целую жизнь. Сергей успевал схватить за руку, сказать

громче, удержать, броситься следом. Но не сумел. Они привыкли доверять друг другу, потеряли бдительность...

«Я мог его удержать», — эта мысль приходила в голову почти каждую ночь, не давая уснуть. Я чувствовал, понимал, что ферма неустойчива, но не настоял, не смог его остановить.

Интересно, сколько сейчас прошло времени? Минута? Час? Под завалами оно течёт совсем иначе, не линейно, а словно кругами. Похоже, как в детстве, когда ждёшь Новый год: каждая секунда тянется подобно вечности, а потом вдруг раз, ты нечаянно заснул и уже утро. И теперь он лежал под собственным неустойчивым завалом и не кричал, не звал, он чувствовал, что время есть, он ещё может потерпеть.

Рация молчала, несносные помехи съели сигнал около часа назад, в то время необычное Северное сияние разлилось над городом. Солнечная буря класса «M8»⁷, сказали им по радиции перед выездом. Сергей тогда ещё усмехнулся и подумал: «Ну всё, связи не будет как минимум до утра». Не знал, что это коснётся и его самого, и его нервной системы.

Неожиданно всплыло очередное воспоминание. Ему девять, стояло чудесное, беззаботное лето. Небольшая деревня. Кругом тайга, умопомрачительный запах луговых трав. Они с отцом на реке ловят рыбу, мирно болтают, и вдруг шум, крики. Оказалось, соседский мальчишка, ровесник Сергея, упал в воду с крутого обрыва, его подхватила стремнина, понесла.

Отец, не раздумывая, бросился в реку, доплыл, подхватил и вытащил мальчика на берег. Мокрого, перепуганного, но живого. Мать мальчика рыдала, обнимала отца, а Сергей стоял на берегу и смотрел на папу, его мокрую одежду, сильные руки, его спокойное лицо и безумно гордился.

— Пап, а ты герой? — спросил он вечером, набравшись храбрости.

Отец посмотрел на него, усмехнулся и спокойно ответил:

— Нет, сынок. Просто сделал то, что должен.

Сергей запомнил эти слова. И через много лет, если его спрашивали, почему он спасатель, всегда вспоминал об этом случае. Отца не стало три года назад, у него случился инфаркт. Сергей не успел приехать, в тот момент находился в командировке. Он запомнил их разговор, перед отъездом: «Сын, не переживай, всё нормально будет. Ты делаешь то, что должен. Поезжай».

С тех пор Сергей хранил дома старый, динамо-фонарь, «жучок». В детстве он обожал нажимать на рычажок, чтобы засветилась лампочка, и чем быстрее нажимаешь, тем ярче становился свет. Фонарь принадлежал отцу, и тот брал его с собой, когда они ходили за грибами или на рыбалку. Теперь Сергей держал его дома, на видном месте, на полке и изредка, когда становилось совсем тоскливо, брал его в руки и чувствовал, что отец вновь стоит рядом, смотрит на него и ободряюще подмигивает.

И вот, сейчас он лежит под грузом навалившейся арматуры и дышит. Медленно. Глубоко. Каждый вдох на счёт восемь, каждый выдох на двенадцать. Как им вдалбливали на курсах, как он сам учил людей не паниковать под завалами. Но сегодня всё явно шло не по плану, необычно, если вообще бывает хоть что-то обычное в такой ситуации. На очередном выдохе он почувствовал необъяснимый импульс.

И странно, что не в ноге, не в придавленной спине, это хотя бы укладывалось в элементарную логику. Он прошёл через шею. Резкий, как удар молнии. Сергей застыл. Что за...? Он не двигался, замер. Но симптом повторился, короткий, судорожный, точно кто-то специально

⁷ Солнечная вспышка класса M8 — это умеренная по мощности солнечная вспышка, близкая к верхней границе своего класса. Потенциальные последствия для Земли: умеренные геомагнитные бури; перебои высокочастотной радиосвязи, особенно в полярных широтах; усиление полярных сияний (могут наблюдаться на более низких широтах); возможное влияние на работу спутников и GPS; незначительное повышение радиационного фона на больших высотах (рейсы полярных авиалиний); редкие случаи локальных проблем с электросетями в высоких широтах.

делал это с ним. Он удивился, совершенно не понимая, что с ним происходит, его сковала тоска и подступающий страх.

«Галлюцинация», — подумал он. Нехватка кислорода или адреналин бьёт по организму.

Но явление не прекращалось — напротив, оно усиливалось, пульсируя в такт чему-то далёкому и неведомому. Самое странное заключалось в том, что он неожиданно начал различать чужое напряжение, словно сквозь тонкую завесу. Где-то в ином месте, в другом теле, кто-то застыл в момент внутренней борьбы, пытаясь совладать с бурей возникших эмоций. И именно это состояние — само мгновение замирания — передалось ему вместе с незнакомой энергией.

Сергей закрыл глаза. Попытался сфокусироваться на дыхании, начал было заново считать, но вместо цифр в голове всплыл очередной образ: ребёнок на земле, возле него рыдающая женщина. А он стоит рядом. Смотрит на свои руки. Почему-то женские. Тонкие пальцы в медицинских перчатках, сознание сковывает дикий ужас — не его страх. Острый, как тонкое лезвие.

Откуда это?

Он попытался переключиться. Сосредоточиться на реальности: боль, давление, балки, запахи, вкус пыли, которая лезла даже в глаза. Но образ продолжал возвращаться, оказался настойчивым, как глупая и навязчивая мелодия. Маленькая девочка. Светловолосая, курносая. Лежит без сознания на тротуаре рядом с плачущей женщиной. А она... Он стоял рядом с ними, не в состоянии ничего предпринять.

Почему я это вижу?

И тогда до него дошло, что видит не галлюцинацию. Это чей-то страх, чья-то боль и ответственность протекали сейчас через него, словно их транслировали в его сознание напрямую. Сергей постарался осторожно расслабиться. Не потому, что знал последствия, тело само отозвалось на это напряжение. В тот миг, за километры от него, девушка, остановившаяся в нерешительности, почувствовала его присутствие.

— Смелее, — подумал он. — Лучше тебя никто не справится.

Пришлось вложить в эти слова всю оставшуюся уверенность и силу. И тогда девушка, словно очнувшись, сделала несколько шагов, присела и начала осмотр малышки. Сергею стало легко на душе, он понял, что ей, наконец, удалось вдохнуть после долгой задержки дыхания. Только его собственные ощущения никуда не делись и давили теперь на них обоих. Это казалось непривычным, тяжёлым и некомфортным, особенно для неё. И поняв это, он увидел, как его оттолкнули, выпроводили из сознания.

Сергей открыл глаза. Над ним тот же тёмный потолок из обломков, но после произошедшего появилось чувство: что сейчас он не один находится под этими завалами. Девушка, снаружи, где-то очень далеко, только что спасла ребёнка, а он сумел помочь ей, его спасти. Прямо из завала, мысленно.

Сергей хмыкнул, закрыл глаза и постарался расслабиться под давившей на него массой. «В отчёт я это не включу» — подумал он. — «Точно в дурку отправят, психолог на меня давно с подозрением косится, а теперь ещё этот доктор со своими непростыми эмоциями».

Накатило очередное воспоминание. Ему восемнадцать, первая любовь. Её звали Катя, они познакомились на подготовительных курсах. Смешливая, с веснушками на носу. Они отлично проводили время, смеялись и дурачились, именно с ней он первый раз поцеловался... Но Катерина мечтала только об одном, поскорее уехать в Москву, а ему ужасно не хотелось уезжать. В итоге они расстались спокойно, без драмы и громких слов.

— Ты слишком привязан к этому городу, — бросила она тогда.

Он не спорил, потому что знал: она права. Этот город — его дом: здесь он родился и вырос, здесь живут родители, друзья. В итоге она уехала, а он остался. Иногда вспоминая те

беззаботные дни и свою первую любовь. «Интересно, где Катька сейчас, сложилось у неё в Москве?»

Неожиданно послышался знакомый шум, глухой треск помех, и рация вдруг ожила. До слуха донёлся слабый, искажённый и прерывающийся голос:

— ...капитан Мещеряков... Слышишь? Приближаемся к мес... нию...

Сергей не ответил. Не потому, что не мог, боялся шевельнуть хотя бы губами. Одно движение, и перекрытие рухнет, но зато у него появилась надежда. Теперь он не просто лежал и ждал, а знал, что в этот раз всё обязательно будет хорошо. И боль стала терпимее или ему так, только, казалось.

Вокруг стояла тишина и ничего не напоминало о недавнем импульсе и неожиданной связи с незнакомой девушкой. Он закрыл глаза. В ушах ещё звенело, но теперь он был не один. Где-то далеко, за километрами бетона и рухнувших перекрытий, его теперь кто-то ждал.

Глава 3. «Академгородок»

В кабинете доктора наук Коваленко пахло кофе и книгами, полки с которыми тянулись вдоль стен и до самого потолка. На отдельном стенде висела карта мозга с пометками от руки, плохо разборчивым почерком на разноцветных самоклеящихся листках, наклеенных прямо на неё. На столе стакан с давно остывшим чаем и папка с документами, открытая и небрежно распотрошённая. Профессор Лебедев стоял рядом и смотрел на умиротворяющий пейзаж за окном.

— Ты уверен, что это не артефакт оборудования? — спросил Лебедев не оборачиваясь. — Выборка из двух человек для серьёзных выводов недостаточна. Пока это лишь рабочая гипотеза, а не установленный факт.

— Контрольная группа есть, Игорь. Пятьдесят человек, попавших в эпицентр бури: медики, спасатели, сотрудники полиции. — Коваленко хлопнул ладонью по внушительной стопке папок. — У сорока восьми — стабильный альфа-ритм. У шестерых — флуктуации в пределах нормы стрессовой реакции. И только у этой пары...

— Магия? — съязвил Лебедев перебив.

— Только у них сигнал преодолевает расстояние без задержки. Ноль миллисекунд. Игорь, это нарушает законы физики. Сигнал не идёт через эфир. Он просто... Возникает в двух точках одновременно.

Коваленко откинулся в кресле, устало потёр виски:

— Игорь, я тридцать лет работаю с ЭЭГ⁸. Видел всё и даже больше: эпилепсию, различные опухоли, шизофрению, сумасшедших на разных стадиях помешательства, но такого не встречал никогда.

— Может, просто совпадение? Геомагнитная буря повлияла на точность измерений, оборудование даёт неконтролируемую погрешность.

— Оборудование проверяли трижды, заново откалибровали. — И потом... — Коваленко на мгновение замолчал, слегка поморщился и, словно преодолевая внутреннее сопротивление, нехотя добавил: — Они и сами это ощущают — оба, совершенно независимо друг от друга. Поверь, мы провели тщательный сбор данных.

Лебедев повернулся. Лицо выражало спокойствие, но в глазах читались сомнение и тревога:

— И ты готов опубликовать это? Проведя исследование всего на двух испытуемых? Тебя немедленно подвергнут анафеме! Ты знаешь учёный совет, они развезят ярлыки быстрее, чем успеешь опомниться!

— Ни в коем случае. Я говорю о предварительных данных. Природа явления не изучена, но мы обязаны исключить патологию. Если мозг адаптируется к нестандартным внешним воздействиям через усиление межполушарных связей, это может быть защитным механизмом. Мы будем наблюдать. При первых признаках когнитивной перегрузки или нейрофизиологического срыва эксперимент будет немедленно прекращён. Наша задача — не гнаться за сенсацией, а убедиться, что им ничего не угрожает.

— А если это всё же опасно? Вдруг мозг не выдержит?

— Мы никак не можем на это влиять. Сам знаешь, природа этого явления не изучена, оно не возникло ни разу за всю историю наблюдений! Но мы в любом случае остановимся, при малейшей угрозе для них. Но сначала необходимо дать им шанс. Постараться, побольше

⁸ ЭЭГ (электроэнцефалография) — это неинвазивный метод функциональной диагностики, позволяющий регистрировать и анализировать суммарную биоэлектрическую активность головного мозга. Результат исследования — электроэнцефалограмма: графическая запись в виде волн различной частоты и амплитуды.

узнать, чтобы помочь. Я вообще не думаю, что это болезнь, скорее... Что-то ранее неизвестное, совершенно новое.

Лебедев долго смотрел в окно, заведя руки за спину и покачиваясь с пятки на носок. Потом повернулся, нехотя кивнул:

— Ладно. Но я буду участвовать, и, если возникнет хоть один признак опасности, исследования немедленно прекращаем.

— Договорились, — согласился Коваленко, — я не хочу им навредить.

Приглашение пришло через несколько дней после геомагнитной бури. Строгая повестка на бланке Института цитологии и генетики СО РАН, подписанная неизвестным ей, «доктором наук Коваленко». Анна прочитала её, когда вскрыла красивый конверт в обеденный перерыв между вызовами. Они сидели с Тamarой на кушетке в холле и ожидали завершения работы автомата, который варил им очередную порцию кофе.

«Уважаемая Анна Михайловна!

В связи с зафиксированными аномальными геомагнитными явлениями в атмосфере просим вас принять участие в исследовании нейрофизиологических изменений, произошедших в результате солнечной бури, и влияние их на организм человека. Все процедуры займут не более четырёх часов.

Трансфер от места работы будет организован 3 марта в 12:00».

— Опять эти учёные, — фыркнула Тамара, заглянув через плечо. — Надеются, что смогут залезть в твою голову?

— Не надеются, предлагают.

— Я бы не поехала, — уверенно сообщила Тамара, тряхнув головой, из-за чего её тёмные кудряшки повторили это движение, разлетевшись веером и вернувшись обратно, — не хочу, чтобы копались в моей голове!

— Переживаешь, что могут ничего не найти? — весело рассмеялась Анна.

— Ой, да брось. Я поумнее многих буду, — ничуть не смутившись, возразила подруга, беспечно махнув рукой.

— Смешная ты, Томка, от таких предложений не так просто отказаться.

— Почему это? — удивлённо посмотрела на неё подруга.

— С государством такие игры не проходят. Выйдут на руководство, нажмут на нужные рычаги, и побежишь как миленькая, но уже с подпорченным репутацией и по приказу.

Анна аккуратно сложила листок и убрала его обратно в конверт, её заинтриговали, тем более что в тексте мелькнуло: «аномальные явления». Она хорошо помнила день, когда впала в ступор, вспомнив прошлое. То мягкое, но сильное прикосновение незнакомых ощущений. Тогда её изнутри подтолкнули к лежащему на тротуаре ребёнку, и это никак не выходило из головы.

— Поеду, — уверенно бросила она Тамаре. — Хочу разобраться.

Сергей получил приглашение от начальника караула, за него пришлось расписаться в журнале. После спасения из-под завалов его неделю продержали в медсанчасти: проверяли позвоночник, провели МРТ, но так ничего серьёзного и не нашли. Только лёгкое растяжение мышц. Но зато в отчёте врача стояла пометка: «Пациент жалуется на эпизодические спазмы в области шеи без объективной на то причины».

Майор с совершенно неподходящей ему фамилией Веселов и строгим лицом, точно высеченным из гранита, дал добро на поездку, сопроводив его словами:

— Поезжай. — Веселов понизил голос, оглянувшись на дверь. — Это не просьба, Серёга. Из области пришла разнарядка. Все, у кого зафиксированы отклонения во время бури, должны пройти проверку. Для национальной безопасности, понимаешь? Так что лучше добровольно. Да и твоё поведение для обычной чуйки спасателя не совсем правдоподобно и даже жутковато, сам понимать должен.

Сергей возражать не стал. Ему тоже хотелось понять: откуда взялся тот образ женских рук над ребёнком, да и сама эта светловолосая девчонка на тротуаре. Он не видел того места, не слышал вызова, однако узнал об этом и присутствовал на месте происшествия, хоть и не телесно.

Микроавтобус с табличкой «Заказной» подобрал их в разных местах и доставил в Академгородок — этот островок науки, расположенный среди соснового бора, где само время течёт по-особому. Не гудят машины, не мигают неоновые вывески. Только светлые фасады приземистых корпусов различных исследовательских институтов, прогулочные да велосипедные дорожки, запах хвои, мягко обволакивающий тебя своей неземной лёгкостью.

В фойе института Анну встретила молодая, стройная женщина в белом халате, снизу из-под которого выглядывали синие джинсы и модные, яркие кроссовки:

— Анна Михайловна? Меня зовут Ксения, я ассистентка доктора Коваленко. Мы вас ждали, проходите, пожалуйста.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Интерьер здания оказался оформлен в современном стиле с обилием дерева и стекла, а лаборатория оказалась не похожа на больничный кабинет. Стекланные полупрозрачные стены, мягкий свет, льющийся из окна, частично прикрытого вертикальными жалюзи. Практически посередине комнаты установлено белое, мягкое кресло со множеством подведённых к нему проводов и необычным шлемом, отдалённо напоминавшим футуристический венец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.